

ЛЮДИ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Robert Trumbull. Nine Who Survived Hiroshima and Nagasaki, New York, E. P. Dutton and Company, 1957, 148 pp.

Роберт Трамбулл. Девять человек, пережившие Хиросиму и Нагасаки, Нью-Йорк, 1957, 148 стр.

Слова «Хиросима» и «Нагасаки» будут вечно напоминать о страшной судьбе десятков тысяч людей, ставших жертвами американского атомного оружия. И поэтому с волнением раскрываем мы книгу американского журналиста Роберта Трамбулла, название которой гласит: «Девять человек, пережившие Хиросиму и Нагасаки».

что принесет новая война простому человеку в любой части земного шара».

Через много лет после войны автор книги разыскал девять человек трагической судьбы. Это рядовые японцы — инженеры, бухгалтер, докер, издатель газеты, мастера по изготовлению бумажных змеев. Им пришлось пережить обе атомные бомбардировки — сначала в Хиросиме, куда они ездили по делам службы, а затем, по возвращении домой, в Нагасаки.

Трудно сказать, сознательно ли умолчал американский журналист Роберт Трамбулл об истинных виновниках описанных им событий. Во всяком случае, он добросовестно рассказал о том, что пережили и что потеряли герои его книги.

Простые человеческие судьбы подчас волнуют больше, чем самый необычный вымысел писателя...

...Запуск змеев всегда был в Японии одним из любимых видов спорта. Каждый год в марте на высоких холмах, окружающих Нагасаки, устраивались состязания по запуску змеев. Управление ими требовало большого искусства — обычные размеры змеев были очень велики.

Сигеоси Моримото считался лучшим в Нагасаки мастером по изготовлению змеев. Когда наступила война, змеи решено было использовать для аэростатов воздушного гражданства, и с этой целью Моримото командировали в Хиросиму. Его сопровождали трое постоянных помощников: Киносита, Комасу и Дои.

Ранним утром 6 августа 1945 года Моримото, дав на день работу своим помощникам, решил пойти в город, чтобы раздобыть бумагу, веревки, бамбук и клей, необходимые для изготовления змеев. В тот миг, когда он выходил из дома, атомная бомба раскололась над Хиросимой, мгновенно сравняв с землей огромный город.

Много лет спустя, прервав работу над очередным змеем, Моримото не торопясь рассказывает:

— Взрыв бомбы был похож на вспышку молнии. Раздался страшный грохот, дом задрожал, и потолок обрушился на нас. Выбравшись из-под развалин, я увидел тысячи людей, раздавленных балками: у многих из них были сожжены лица, сорвана кожа. Зрелище это повергло меня в ужас.

Но страшные испытания на этом не кончились. После бомбардировки Хиросимы Моримото вернулся в Нагасаки. Соседи собрались у него в доме, чтобы из уст очевидца услышать рассказ о катастрофе, постигшей Хиросиму. И в этот момент вторая атомная бомба разорвалась над японской землей.

Судьба и на этот раз пощадила Моримото, но десять его родственников были убиты во время обеих бомбардировок. От одного из них не осталось даже и следа.

— Я рассказываю обо всем этом, — говорит старый мастер, — для того, чтобы мир понял: атомная бомба больше никогда не должна упасть.

В рассказах этих девяти человек — а все они люди труда, интеллектуального или физического, — чувствуется страстное стремление предостеречь своих собратьев во всем мире от козней тех, кто хотел бы повторить злодеяние, совершенное в Хиросиме и Нагасаки.

Потрясенные рассказом о тяжелых человеческих судьбах, закрываем мы последнюю страницу этой волнующей книги, рассматриваем приложенные к ней фотографии.

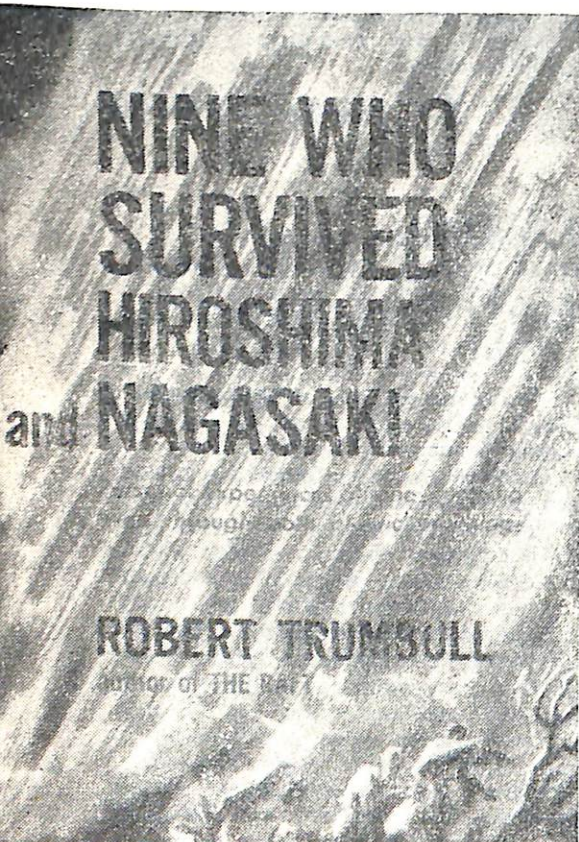
Вот Хиросима до бомбардировки — большой, интересный, живой город, а рядом — после катастрофы — пустыня, продуваемая океанскими ветрами.

Вот фотографии девяти человек, переживших Хиросиму и Нагасаки, — скорбь и глубокое раздумье на их лицах.

Но нет на них и тени страха. Трудно поверить, чтобы эти люди допустили повторение того, что было. За этими девятью стоит вся Япония, сотни миллионов простых людей во всем мире.

И эти простые люди не допустят повторения Хиросимы ни в Японии, ни в какой другой стране.

Э. БОРОВИК

Трамбулл хорошо знает, что такое война: в качестве военного корреспондента он наблюдал ее с 1941 по 1945 год на Тихом океане, в тех самых местах, где сейчас снова гремят смертоносные взрывы. И он знает, что война — это, в первую очередь, беда для обыкновенного человека. Он так и пишет: «На примере Хиросимы и Нагасаки я хочу показать,

Отрывок из книги Р. Трамбулла „Девять человек, переживших Хиросиму и Нагасаки“

Кенси Хирата лежал на песчаном пляже, задумчиво глядя на звезды, усеявшие ночное небо над Внутренним морем.

Дед-самурай никогда не смог бы себе представить, что придется испытать его двадцатилетнему внуку, с трезгой ожидавшему рассвета 6 августа 1945 года.

Эта длинная ночь была одной из многих ночей, проходивших в ожидании бомбардировок. Только что отзвучал последний сигнал воздушной тревоги.

Отзвезд свою команду, состоявшую из пяти человек, в убежище, Хирата лег на теплом песке. С тревогой думал он о наступающем дне, боялся, что не сможет вернуться в свой дом, к молодой жене. А ведь он женился лишь две недели назад.

Только одно поколение—поколение его отца—отделяло Кенси Хирату от той «старой» Японии, где на протяжении многих веков люди вели войны, идя с мечом друг на друга.

Но времена самураев прошли.

Дед Хираты был одним из последних. Он был вассалом феодала—князя Аримы из Каруме, что на острове Кюсю. Дед дожил до того времени, когда имперские реформы упразднили его класс. Институт самураев исчез, и дед лишился средств к жизни. Правда, в возмещение он получил порядочную сумму денег, но со странным новым миром, заменившим собой старую феодальную систему, не мог ужиться до конца своих дней.

Отец Хираты решил идти в ногу с веком и стал пайщиком судостроительного синдиката Мицубиси, заняв в конце концов должность директора глазного отдела.

Однако в глубине сердца он оставался частицей старой Японии. Неожиданно для всех он оставил свой видный пост и посвятил себя изучению китайской классической каллиграфии. В этом искусстве он с течением времени достиг больших успехов, однако его жене приходилось шить на соседей, чтобы поддерживать семью.

Кенси по сравнению с предыдущими поколениями представлял собой еще один шаг вперед. К тому времени, когда он получил диплом об окончании Коммерческого колледжа в Нагасаки, Япония уже превратилась в мировую державу, и Кенси был частью этой державы. Он получил место бухгалтера-эксперта в концерне Мицубиси, но вскоре был призван в армию, где дослужился до чина унтер-офицера. Заболев бери-бери, Кенси был уволен в за-

пас еще до того, как Япония атаковала Пирл-Харбор.

Вернувшись на верфь Мицубиси в Хиросиме, Кенси снова начал работать бухгалтером, одновременно возглавив небольшой отряд запасников.

Опасаясь, что вскоре его снова призвут в армию, он не решался жениться. Несколько раз он ездил домой, в Нагасаки, где его знакомили с подходящими девушками, и наконец остановил свой выбор на хорошей двадцатилетней Сецуко.

Кенси Хирата.

В июле они поженились в Нагасаки и только десять дней назад вернулись в Хиросиму. Удобно устроившись в одном из принадлежащих компании домов, они были счастливы, как и все молодожены на свете (лишь на Западе считают, что люди обязательно влюбляются до брака,—на Востоке любовь часто приходит после женитьбы).

С удовольствием вспоминал Хирата поездку с молодой женой на Мийядзиму—«Святой остров»—одно из наиболее красивых мест на Внутреннем море, в часе езды от Хиросимы. Мийядзима—небольшой остров, на котором гробницы чередуются с маленькими отелями,—является одновременно местом религиозного паломничества и загородных прогулок. Особенно славится он своими «тори»—воротами собора, стоящими прямо в прозрачной воде открытого Внутреннего моря.

Но в 1945 году, когда туда приехали Кенси и Сецуко, отели были заполнены не веселыми экскурсантами, как обычно, а совсем юными студентами, мобилизованными для работы на оборонных предприятиях.

Благодаря знакомству Хираты с владельцем одного из отелей им удалось получить отдельную комнату. Обрадованные, отправились они посмотреть великую гробницу Мийядзима.

—С этой гробницей связано странное поверье,—рассказывал Хирата.—Она посвящена богине, которая, как говорит легенда, проникается ревностью, если гробницу посещают молодожены. Правда, мой друг, владелец отеля, высмеял наши страхи, сказав, что это чистый предрассудок, и посоветовал нам с Сецуко без боязни отправиться к прославленной гробнице. Мы так и сделали. Но как часто впоследствии я раскаивался в этом!

5 августа Хирата был назначен ночным дежурным на верфи в Хиросиме.

Неоднократно повторявшийся сигнал воздушной тревоги, прерывавший работу, вызывал у него лишь досаду—самолеты еще ни разу не бомбили Хиросиму. Однако, выполняя свой долг, он отзвал служащих в укрытие, а сам остался руководить переноской наиболее важных документов из конторы в огнеупорный сейф, который находился в небольшом домике, построенном специально для этого на берегу. Каждый, приезжавший в Японию сразу после войны, до начала восстановительных работ, видел среди развалин и осколков тысячи таких ржавых, почерневших от пламени сейфов.

Когда пришло утро, было решено перенести бумаги обратно, из сейфа в контору. Эту работу следовало закончить в 8 часов 15 минут. Помощники Хираты опередили его и были уже в помещении. Следуя за ними, он входил в холл. «В этот момент,—рассказывал впоследствии Хирата,—я увидел через открытое окно вспышку золотой молнии, сверкнувшей над землей. Повсюду разлился странный, жуткий свет. Мгновенно сообразив, что это воздушный налет, я ничком бросился на пол».

Быстрые действия Хираты спасли ему жизнь.

Секунды, прошедшие между необыкновенной вспышкой, столь поразившей Хирату, и последовавшим за ней грохочущим ударом, показались распростертому на полу человеку долгими минутами.

Здание со скрежетом зашаталось. Хирата, прижимаясь к полу, быстро взглянул на потолок, боясь, что балки рухнут на него, и, вздрогнув, снова спрятал лицо в ладони.

Однако, как ни странно, потолок не упал, и Хирата со вздохом обле-